

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 2. С. 161–175.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2024. Vol. 7, no. 2. P. 161–175.

Научная статья / Original article

УДК 821.112.2

doi:10.17323/2658-5413-2024-7-2-161-175

ОТРАЖЕНИЕ ВЕРЫ ВО МРАКЕ ВОЙНЫ: РОЛЬ ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКИ В РОМАНЕ «СЕДЬМОЙ КРЕСТ» А. ЗЕГЕРС

Руслан Этирамович Керимов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, rekerimov_1@edu.hse.ru

 Аннотация. В статье рассматривается влияние христианской символики на художественный мир романа «Седьмой крест» Анны Зегерс. Через анализ символов и образов раскрывается глубина романа и его значение для понимания человеческой природы. Исследование роли христианских мотивов и символов способно пролить свет на то, как религиозные аллюзии помогают передать читателю идеи, мысли и чувства узников концлагерей, как эти мотивы используются для выражения глубоких человеческих переживаний, которые невозможно передать словами. Статья предполагает тщательный анализ фрагментов романа и интерпретацию символических образов, а также сюжетных линий, чтобы раскрыть значимость веры и надежды в трудные и безнадежные времена. Это поможет пролить свет на важность веры и религиозных ценностей в жестоких условиях войны, а также дать новый взгляд на класси-

© Керимов Р. Э., 2024

ческое произведение литературы ГДР, показав его актуальность и значимость в современном мире.

Ключевые слова: Анна Зегерс, роман «Седьмой крест», антифашистская литература, религиозные символы и образы

Ссылка для цитирования: Керимов Р. Э. Отражение веры во мраке войны: роль христианской символики в романе «Седьмой крест» А. Зегерс // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 2. С. 161–175. doi:10.17323/2658-5413-2024-7-2-161-175.

Literature. Philosophy. Religion

REFLECTION OF FAITH IN THE DARKNESS OF WAR:
THE ROLE OF CHRISTIAN SYMBOLISM IN THE NOVEL “THE SEVENTH CROSS”
BY A. SEGHERS

Ruslan E. Kerimov

National Research University

“Higher School of Economics” (HSE University), Moscow, Russia, rekerimov_1@
edu.hse.ru

Abstract. The article examines the influence of Christian symbolism on the artistic world of the novel “The Seventh Cross” by Anna Seghers. Through the analysis of symbols and images, the depth of the novel and its significance for understanding human nature are revealed. The study of the role of Christian motifs and symbols can shed light on how religious allusions help to convey to the reader the ideas, thoughts and feelings of concentration camp refugees, how these motifs are used to convey deep human experiences that cannot be conveyed in words. The paper involves an in-depth analysis of the novel’s fragments and interpretation of symbolic images as well as plot lines to reveal the significance of faith and hope in difficult and hopeless times. It will help to shed light on the importance of faith and religious values in the brutal conditions of war, as well as provide a new perspective on a classic work of GDR literature, showing its relevance and significance in today’s world.

Keywords: Anna Seghers, “The Seventh Cross”, anti-fascist literature, religious symbols and images

For citation: Kerimov, R. E. (2024) “Reflection of Faith in the Darkness of War: the role of Christian symbolism in the novel ‘The Seventh Cross’ by A. Seghers”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(2), pp. 161–175. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2024-7-2-161-175.

Христианские мотивы и символы играют немаловажную роль в литературе XX века. Это добавляет повествованию глубину и сложность, обеспечивая несколько уровней интерпретации. Такие символы часто имеют культурное и историческое значение, приглашая читателей углубиться в богатое полотно религиозных традиций. Более того, религиозные символы могут передавать многогранные темы и истины, которые находят отклик у читателей разного происхождения, способствуя сочувствию и пониманию. Также образы и символы, присутствующие в Библии, могут сказываться на понимании и принятии истории, на воспоминаниях о прошлом и надеждах на будущее: «Библейский образ постоянного присутствия во времени побуждает современного интеллектуала к сопротивлению истории, памяти о будущем и надежде» [Губман, 1982, с. 141].

В художественных произведениях символический уровень — это сильный инструмент передачи разнообразных мыслей, чувств, идей и ценностей, которые иногда невозможно передать словами. Такие символические образы, как это происходит в романах Анны Зегерс, служат религиозно-моральными ориентирами, освещая этические дилеммы и предлагая понимание условий человеческого существования. Они могут стать как препятствием, так и опорой для понимания и принятия происходящих изменений. И хотя сама писательница принадлежала к социалистическому блоку, где важнейшей установкой было весьма неоднозначное отношение к религии, а иногда и атеизм, ее происхождение, судьба изгнанницы в эпоху национал-социализма и Второй мировой войны, безусловный литературный талант позволяют не только изобразить героев-антифашистов в историческом измерении, но и поставить их в контекст христианской традиции, придавая особую глубину символическому уровню ее романов о войне.

Анна Зегерс — псевдоним Нетти Рейлинг, родившейся в Германии в обеспеченной еврейской семье. Она была единственным ребенком Исидора Рейлинга и Хедвиги Фульд. Семья принадлежала к ортодоксальной еврейской религиозной общине. Зегерс выросла в тесном контакте с еврейской верой и благодаря родителям познакомилась с библейскими и еврейскими историями. Анна Зегерс с самого детства была знакома с еврейской Библией (Танах),

Анна Зегерс и Ласло Радваньи в 1930-е годы со своими детьми Пьером Радваньи и Рут Радваньи. Музей истории иммиграции, Париж

а также с иудейскими традициями и историей [Zehl, 2000, S. 34]. Ее интерес к евреям-христианам I века н. э. возник во время учебы в Гейдельбергском университете (1920–1924). Там она познакомилась со своим будущим мужем Ласло Радваньи, который в 1923 году защитил докторскую диссертацию под руководством Карла Ясперса о Книге Даниила и христианах I века. Будущий муж познакомил ее с философскими идеями и произведениями молодого неомарксиста Дьёрдя Лукача и с его приверженностью, вдохновленной идеей мессианизма, этике революционного социализма в духе Розы Люксембург. Интерес к художественному творчеству у Анны Зегерс возникает после окончания работы над докторской диссертацией «Jude und Judentum im Werke Rembrandts» («Евреи и иудаизм в произведениях Рембрандта», 1924). В своей диссертации она проанализировала изображения Рембрандта на библейские темы. Данная работа является свидетельством ее глубокого интереса к религиозным символам и христианским мотивам. В диссертации она тщательно анализирует ключевые христианские мотивы, а также образы евреев и Бога. Как считает немецкая исследовательница Хелен Фехервари, «диссертация представляет не только биографический интерес для исследования Зегерс, но и имеет решающее значение для понимания творчества автора, поскольку она содержит ее единственный систематический комментарий к эстетическим критериям, которые впоследствии повлияли на ее собственное повествовательное искус-

ство». И что особенно важно, диссертация «проливает свет на то, как она понимала свою зависимость от библейских сюжетов, которые раскрываются в романе «Седьмой крест»» [Fehervary, 2001, S. 5, 43].

Сразу после прихода к власти Гитлера Анна Зегерс была вынуждена бежать из нацистской Германии, присоединившись к быстро растущей группе изгнанных художников, интеллектуалов и политиков, которые искали убежища. Эти события полностью изменили творческое сознание писательницы. Резкая заинтересованность международным коммунизмом и судьбой мирового пролетариата преобразилась в траурную ораторию по утраченной родине. Если прежние ее романы, такие как «Der Kopflohn» («Оцененная голова») и «Die Rettung» («Спасение»), опубликованные амстердамской эмигрантской издательской фирмой Querido, были посвящены жизни и судьбе рабочего класса, то следующие произведения, такие как «Седьмой крест» и «Транзит», поднимают тему эмиграции и политических репрессий в Германии, которая с этого времени становится центральной в ее творчестве — вплоть до ее последнего произведения «Drei Frauen aus Haiti» («Три гаитянские женщины», 1980). Ее творческие поиски условно можно разделить на две части, которые сильно отличаются, но при этом переплетены друг с другом. С одной стороны, она была вдохновлена историями о революционерах, которые бежали от террора в Восточной Европе во время Первой мировой войны, что отразилось на политическом подтексте ее будущих произведений. С другой — изучение религиозных текстов сильно отразилось на повествовательных и художественных стратегиях писательницы: композиционные модели ее романов и повестей часто перекликаются с повествовательными особенностями Нового Завета.

Роман «Седьмой крест», впервые опубликованный в 1943 году в Мехико немецким эмигрантским издательством El libro libre, — это комплексное произведение, которое можно анализировать на нескольких уровнях. В нем речь идет о бежавшем из концлагеря узнике Георге Гейслере, который бросил вызов судьбе и сражался за свою свободу. Это также одна из первых книг о нацистских концентрационных лагерях — политический роман, в котором фашистская власть противостоит мужественному сопротивлению немецкого рабочего класса и коммунистического подполья. В то же время ряд библейских аллюзий отсылает к более ранним эпохам: к рассказу о пророке Данииле, а также об иудейских христианах I века н. э.

Мы не можем точно знать, как и почему писательница использовала библейские и другие мифологические аллюзии, которые пронизывают ее произведения, поскольку она никогда не раскрывала ни секретов своего писательского метода, ни инструментов, с помощью которых выстраивала над

историческим миром мир символический. Но можно предположить, что в своих героях и их поступки она вкладывает личный опыт. Не исключено, что Георг Гейслер представляет собой альтер эго писательницы, столкнувшейся с похожими обстоятельствами, которые приобретают для нее религиозное измерение. Описать глубину романа «Седьмой крест» можно словами В. А. Пронина: «Автор сталкивает в повествовании два типа сознания, религиозную мистику и строгий научный рационализм» [Пронин, 2007, с. 338].

В романе герои представлены вполне реалистично, как живые люди с различными характерами и личными историями. Каждый из персонажей обладает уникальными чертами характера и жизненным опытом, который и сформировал их видение себя и истории. Их отношения отражают сложные взаимосвязи внутри общества того времени. Писательница уделяет особое внимание эмоциональному миру каждого героя, их внутренним конфликтам и стремлениям, а в результате читатель видит целостных, живых и многогранных персонажей. Ключевым элементом в романе является собственная вариация «библейского мира» Рембрандта, совпадающая с реальным, о котором Зегерс писала в своей диссертации.

Однако название «Седьмой крест» легко может ввести в заблуждение. Согласно Генону, распятие Иисуса имеет одно представление: крест как символ спасения, каким он существует в истории христианства и большей части западной литературы [Генон, 2004, с. 145]. Но седьмой крест главного героя на протяжении всего романа остается пустым. Только по этой причине он означал надежду для всех обитателей концентрационного лагеря Вестгофен и, как следствие, для тех, кто находился за его пределами и был свидетелем бегства узника, для которого предназначался этот крест. В свою очередь, семь крестов на деревьях, воздвигнутых в концентрационном лагере, Анна Зегерс трактует и как место будущего наказания для преступников, а не как искупительную жертву узников концлагеря. Эти кресты, считает писательница, напоминают наспех воздвигнутые кресты на деревьях, которые на протяжении столетий использовались индивидуально или в массовых казнях древнеримской армией.

В качестве примера совпадения библиейского мира с реально-историческим можно привести судьбу коменданта лагеря Вестгофена Фаренберга, являющуюся параллелью к истории царя Навуходоносора из Книги пророка Даниила. Как и вавилонский правитель, Фаренберг — тиран, которого обитатели Вестгофена описывают как ответственного за ужасные, непредсказуемые акты жестокости: «У него можно было всегда все предвидеть заранее; и если Фаренберг был способен внезапно прикончить нас всех, то Зоммерфельд мог построить нас шеренгами и, аккуратно отсчитав, прикончить каждого четвертого»

Анна Зегерс в период работы над романом «Седьмой крест»

[Зегерс, 1982, с. 10]. Фантастический замысел Фаренберга обрезать и ободрать семь деревьев на территории лагеря, забить в их стволы гвозди и прикрепить к ним перекладыны напоминает один из снов царя Навуходоносора, в котором раздался голос святого: «Срубите это дерево, обрубите ветви его, стрясите листья с него и разбросайте плоды его; пусть удалятся звери из-под него и птицы с ветвей его; но главный корень его оставьте в земле, и пусть он в узах железных и медных среди полевой травы орошается небесною росой, и с животными пусть будет часть его в траве земной» (Дан. 4:11–12).

Из Книги пророка Даниила мы узнаем, что унижение и страдания царя Навуходоносора были временными. Во исполнение своей мечты он был изгнан из среды людей. Так же в страхе за свою судьбу, как и Навуходоносор после своего сна, комендант лагеря Фаренберг проводит все семь дней и ночей после побега узников. А поскольку к концу недели седьмой пленник все еще находится на свободе, униженного коменданта Фаренберга увольняют с поста, а деревья с крестами срубают. Новый начальник отличался от своего предшественника: «Он не рычал, а говорил обыкновенным голосом, но он недвусмысленно дал нам понять, что при малейшем поводе нас всех просто перестреляют. Кресты он приказал сейчас же снести, это был не его стиль» [Зегерс, 1982, с. 396].

Еще одним примером совпадения религиозного и исторического уровней романа является повествовательная рамка: когда узники концлагеря ютятся вокруг небольшого костра, их присутствие кажется одновременно реальным и

Анна Зегерс в Мехико. 1940-е годы

вневременным. Анонимный голос, говорящий в форме «мы», — коллективный голос — размышляет постфактум об исходе событий, которые происходят в самом романе. После того как коменданту лагеря не удалось задержать седьмого беглого заключенного, все семь крестов на деревьях, возведенных в лагере для пыток пойманных беглецов, срубают и используют для растопки: «В тот вечер, когда в бараке впервые запылала печь и мы следили за пламенем, пожиравшим дрова — как мы думали, те самые платаны, — мы чувствовали себя ближе к жизни, чем когда-либо потом, гораздо ближе, чем все, кто почитают себя живыми» [Зегерс, 1982, с. 397].

В этом фрагменте подчеркивается подвиг Георга, который с помощью веры в себя и друзей доказал остальным заключенным, что нацисты не неуязвимы, что каждый человек может пошатнуть мощную тоталитарную систему. Образ Георга многогранен и представляет собой набор нескольких портретов со своими характеристиками. Основной образ, который обозначает Зегерс, — это образ коммуниста. В своих воспоминаниях друг Георга Франц Марнет представляет его обычным парнем из пролетарской семьи, который учился на механика, занимался тем, чем занимаются и остальные. На протяжении всего романа Георг и Франц изображаются как люди, которые борются за равенство, справедливость и свободу.

Анна Зегерс. 1940-е годы

В начале первой главы романа демонстрируется историко-топографическое пространство, восходящее к древнеримским временам. Как будто природа и память — подобно богам, совещающимся в начале «Илиады» Гомера, — взвешивали значение событий, пережитых предыдущими поколениями, как прелюдию к действию, которое последует за этим: «Это страна, о которой недаром сказано, что здесь снаряды последней войны выворачивают из земли снаряды предпоследней. Эти холмы — не горы. (...) Вдоль этих холмов римляне возвели свой вал. (...) Здесь стояли лагерем легионы, а с ними и все боги мира: городские боги и крестьянские, иудейский бог и христианский бог, Астарта и Изида, Митра и Орфей» [Зегерс, 1982, с. 13].

Упомянуты древние боги, а также дается представление событий в этой местности на протяжении нескольких веков — от времен Римской империи до национал-социалистического настоящего, которое резко обрывается словами рассказчика. Такое вступление к началу повествования о побеге дает примерное впечатление о метанарративе произведения в целом. Рассказ о том, что происходит с Георгом в пути, сопровождается показом его внутренней жизни. Иногда это связные мысли, иногда — обрывки воспоминаний и впечатлений, сны, а также внутренние беседы с друзьями. Временами его охватывает страх, «точно рука, сдавившая сердце» [Зегерс, 1982, с. 26]. Временами Георгу под властью страха хочется «не быть сейчас человеком, пустить корни, стать стволом ивы среди ив» [Зегерс, 1982, с. 26]. Но вера в лучшее, а также образ Валлау, который подсказывает герою и мысленно наставляет, питают и поддерживают

Кадр из фильма «Седьмой крест». Режиссер Фред Циннеман, эмигрировавший из Австрии, экранизировал роман Анны Зегерс в США в 1944 году

в нем волю к победе, и он одолевает приступы страха, принимая быстрые правильные решения.

Образ Валлау, который после побега представляет себе Георг, напоминает отчасти образ Бога. В некоторых моментах произведения этот образ оберегает и поддерживает Георга: «Вдруг он увидел в кустах маленькое бледное остроносое лицо Валлау (...) из-за каждого куста на него смотрело лицо Валлау» [Зегерс, 1982, с. 32] и «Георг уткнулся лицом в землю. Спокойствие, спокойствие, сказал ему Валлау из-за плеча. Георг перевел дыхание, повернул голову» [Зегерс, 1982, с. 34]. Георг чувствует, что Бог следит за каждым из нас, защищает от опасностей и помогает в трудные моменты. Бог заботится о безопасности и защищает от зла, как это и делает Валлау в воображении Георга: в Псалтири говорится: «Господь сохранит тебя от всякого зла; сохранит душу твою» (Пс. 120:7).

Символом божественной веры и надежды становится Майнцский собор, в котором Георг находит временное убежище, и городское пространство вокруг него. Ухоженные сады, аккуратные дома, тщательно возделанные поля воспринимаются как место гармонии и спокойствия. Примечателен фрагмент, где Георг в трудное время вспоминает о своем религиозном прошлом: «...из ночи в ночь, зря и ни для кого бросали его на плиты пустого собора: ведь такие гости, как Георг, бывали здесь раз в тысячелетие. И этот свет, зажженный, мо-

Анна Зегерс с Дьёрдем Лукачем на Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже в 1949 году

жет быть для того, чтобы успокоить больного ребенка или проводить в путь отъезжающего друга, оживлял, пока он горел, все скрытые здесь во мраке картины человеческой жизни» [Зегерс, 1982, с. 78–79].

Внутри собора он узнает христианские сюжеты и символы: головы коров, которые заглядывают в ясли, Тайную вечерю и даже солдата с копьём. Георг знаком со многими христианскими сюжетами, и размышления о них помогают ему отвлечься от негативных мыслей. Георг уже окончательно приходит к вере, что влияет на его дальнейшие мотивы и действия. Он размышляет об этических последствиях своих действий и своих обязанностях по отношению к другим, особенно к своим старым друзьям, которые рискуют жизнями ради его свободы. Эту внутреннюю борьбу можно рассматривать как отражение экзистенциальных дилемм, часто связанных с религиозными и философскими размышлениями.

Прямую параллель со сценой из Нового Завета можно увидеть в эпизоде с Георгом и официанткой Мари в конце романа. Их встреча в таверне основана на евангельской истории об Иисусе и самаритянке у колодца Иакова. На пути из Галилеи в Иерусалим Иисусу и его ученикам пришлось пройти через Самарю, жители которой издавна питали враждебность к евреям. Они остановились в городе Сихарь, куда ученики пошли «купить пищи» (Ин. 4:8). «Там был колодезь Иаковлев. Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя. Было около шестого часа» (Ин. 4:6). А вот роман. Вечером перед посадкой на рейнский пароход, который доставит его в Голландию, утомленный Георг Хейслер решает остановиться в таверне. Осознавая возможные опасности, он сидит отдельно

от других гостей: «Он занял место у самой стены, спиной к саду» [Зегерс, 1982, с. 389]. В евангельском рассказе «приходит женщина из Самарии почерпнуть воды», а на слова Иисуса: «Дай Мне пить», отвечает с дерзким удивлением: «...как ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки?» Иисус отвечает: «Если бы ты знала (...) Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую». Женщина отказывается от этого предложения: «...господин! тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок; откуда же у тебя вода живая?» Иисус отвечает: «...кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек» (Ин. 4:7–14). Вторя структуре этого диалога и мотивам жажды и питья, к столику Георга подходит официантка и, прежде чем он успеваеет заговорить, ставит перед ним «стакан вина». «Но я еще ничего не заказывал», — восклицает он, на что она отвечает быстро и прямо:

— Господи, а что же вы хотите заказать?

Георг подумал и сказал:

— Молодого вина.

Оба рассмеялись. Она дала стакан ему прямо в руку, не ставя на стол. Первый глоток вызвал в нем такую жажду, что он залпом осушил весь стакан.

— Еще, пожалуйста!

— Нет, теперь подождите минутку. — Она подошла к соседнему столику.

[Зегерс, 1982, с. 389]

Помимо отождествления молодого вина со святой водой, повествование развивает чувства, скрытые в библейской сцене: одиночество и отчуждение, странность и влечение, жажду и желание. Когда самарянка просит живую воду, предложенную Иисусом, их обмен приобретает более личный, даже интимный характер: «Женщина говорит Ему: господин! дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходить сюда черпать. Иисус говорит ей: пойди, позови мужа твоего и приди сюда. Женщина сказала в ответ: у меня нет мужа» (Ин. 4:15–17).

По мере развития сцены в саду таверны Георг и официантка Мари молча размышляют о человеке, скрывающемся за образом незнакомца. Когда Мари приносит к нему на стол третий стакан вина, Георг тянется к ней:

Он взял ее руку. На ней было только одно узенькое колечко со скарабеем на счастье, такое колечко можно выиграть в ярмарочной лотерее. Он спросил:

— Мужа нет? Жениха? Друга?

Она трижды покачала головой.

— Не было счастья? Плохо кончилось?

Она удивленно посмотрела на него.

— Отчего вы думаете?

— Ну, оттого, что вы одна.

Она слегка дотронулась до груди возле сердца.

— Вот где все похоронено, — и вдруг поспешно убежала.

[Зегерс, 1982, с. 391]

Мари вряд ли воспринимает Георга как «пророка», но, как и самарянка, она знает, что незнакомец, которого встретила, обнаружил ее одиночество и ее желание.

Таким образом, проанализировав христианскую символику в романе «Седьмой крест», мы обнаружили смыслы, которые раскрывают важные философские аспекты романа. В произведении подчеркивается тема спасения и искупления через веру и любовь к ближнему, что является основополагающими принципами христианства. Христианские мотивы «Седьмого креста» можно увидеть в жертвенных действиях персонажей, в сострадании, сопротивлении злу, проявлениях веры и надежды. В романе христианский символ в виде креста служит символом надежды и спасения. Анна Зегерс, занимавшаяся изучением религиозных образов, использует их, чтобы исследовать темы морали, справедливости и силы человеческого духа перед лицом угнетения, возможно даже передать свой опыт. С одной стороны, писательница старается показать, что вера в Бога может быть источником моральной силы и надежды, что условие спасения — сильная вера в лучшее будущее; с другой стороны, помимо веры важны также мудрость и понимание исторической реальности. «Седьмой крест» — это не только захватывающий рассказ о судьбах заключенных в концентрационных лагерях, но и метафора борьбы человека за свободу и духовное спасение. Анализ романа Анны Зегерс показывает, что христианские мотивы помогают понять, что жизнь — это борьба за истину и добро.

Список источников

Генон Р. Символика креста. М.: Прогресс-традиция, 2004. 704 с.

Губман Б. Л. Современная католическая философия. Человек и история. Учебное пособие. М.: Высшая Школа, 1988. 192 с.

Зегерс А. Седьмой крест / пер. с нем. В. Станевич. М.: Правда, 1982, 400 с.

Пронин В. А. История немецкой литературы: Учебное пособие. М.: Логос, 2007. 384 с.

Цветкова И. В., Иванова Т. Н. Функции символов в традиционной и в современной культуре // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 1 (51). С. 180–189.

Шатохина Н. Н. Религиозный и художественный символ в системе культуры // Ценности и смыслы. 2018. № 1 (53). С. 34–44.

Fehervary H. *Anna Seghers: The Mythic Dimension*. University of Michigan Press; First Edition, 2001. 304 p.

Zehl Romero C. *Anna Seghers. Eine Biographie 1900–1947*. Berlin: Aufbau-Verlag, 2000. 560 S.

Zehl Romero C. *Anna Seghers. Eine Biographie 1947–1983*. Berlin: Aufbau-Verlag, 2003. 479 S.

References

Genon, R. (2004) *Simvolika kresta [Symbolism of the cross]*. Moscow: Progress-tradicija.

Gubman, B. L. (1988) *Sovremennaja katolicheskaja filosofija. Chelovek i istorija. Uchebnoe posobie [Modern Catholic philosophy. A Man and history. Textbook]*. Moscow: Vysshaja Shkola.

Seghers, A. (1982) *Sed'moj krest [The Seventh Cross]*. Moscow: Pravda.

Pronin, V. A. (2007) *Istorija nemeckoj literatury: Uchebnoe posobie [History of German literature: Textbook]*. Moscow: Logos.

Cvetkova, I. V. and Ivanova, T. N. (2020) “Funkcii simvolov v tradicionnoj i v sovremennoj kul'ture” [“Functions of symbols in traditional and modern culture”], *Vestnik Tverskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Filosofiya [Bulletin of TVSU. Philosophy Series]*, 1(51), pp. 180–189.

Shatohina, N. N. (2018) “Religioznyj i hudozhestvennyj simvol v sisteme kul'tury” [“Religious and artistic symbol in the cultural system. Values and meanings”], *Cennosti i Smyslы [Values and Meanings]*, 1(53), pp. 34–44.

Fehervary, H. (2001) *Anna Seghers: The Mythic Dimension*. University of Michigan Press.

Zehl, Romero C. (2000) *Anna Seghers. Eine Biographie 1900–1947*. Berlin: Aufbau-Verlag.

Zehl, Romero C. (2003) *Anna Seghers. Eine Biographie 1947–1983*. Berlin: Aufbau-Verlag.

Информация об авторе: Руслан Этирамович Керимов — выпускник магистратуры 2024 года «Восточноевропейские исследования» факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: Ruslan E. Kerimov — Graduate of the Master's degree in 2024 “Eastern European Studies” of the Faculty of Humanities, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.05.2024;
одобрена после рецензирования 01.06.2024;
принята к публикации 10.06.2024.

The article was submitted 07.05.2024;
approved after reviewing 01.06.2024;
accepted for publication 10.06.2024.